

ПЕРЕПИСКА Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ И В. Ф. ХОДАСЕВИЧ
С ОЛЬГОЙ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ (1923-1933)

Публикация Эльды Гаретто

Публикуемая переписка относится к первым годам эмиграции Нины Берберовой и Владислава Ходасевича и охватывает период их скитаний по Европе, до обоснования в Париже, и первые годы их парижской жизни:

После Берлина я много ездил, и это, кажется, было главным признаком моего существования. Вы только подумайте: не считая разных мелких городов, побывал я после Берлина в Праге, Мариенбаде, опять в Праге, в Вене, в Венеции, в Риме, в Турине, в Париже, в Лондоне, Бельфасте, опять в Лондоне, Париже, Турине, Риме, в Неаполе, в Сорренто, в Риме, в Париже...¹

Знакомство состоялось в Берлине в конце августа 1923 года, где Ольга Ресневич-Синьорелли была проездом, и где Павел Муратов, недавно познакомившийся с ней в Италии, представил ее своим близким друзьям: Андрею Белому, Владиславу Ходасевичу и Борису Зайцеву.² Возможно, идея поездки в Италию и получения итальянской визы возникла во время этих встреч.

К моменту начала переписки Ходасевич и Берберова жили в Германии уже больше года. Ходасевич в тот период, как и многие другие русские в Берлине, еще не считал себя эмигрантом, чувствовал открытую неприязнь к белой эмиграции, и даже не исключал возможности возвращения в Россию.³

¹ Письмо Ходасевича к Б. А. Диатропову от 15 сентября 1925 г. (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4-х т. М. 1997. Т. 4. С. 491-492).

² В “Камер-фурьерском журнале” Ходасевича, имя Синьорелли фигурирует в записях от 30-го августа и 22-го и 24-го сентября 1923 г. См. *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. М. 2000. С. 49-50. См. также письма Муратова во втором томе наст. издания.

³ Для характеристики настроений Ходасевича очень показательна переписка того периода (*Ходасевич В.* Собр. соч. Т. 4. С. 447-471). См. также в его очерке “Горький” (Там же. С. 155).

Тесные связи с Горьким и совместная работа над журналом “Беседа” были для Ходасевича главной опорой, а когда экономический кризис в Германии стал усиливаться с каждым днем, и издательства закрывались одно за другим, Ходасевич и Горький начали обдумывать возможность уехать из Берлина и перевести издание “Беседы” в другую страну. Сначала обсуждался австрийский вариант, но потом они начали думать о других странах.

Париж, как центр эмиграции, тоже отталкивал Ходасевича: “...мы оба боялись Парижа, боялись эмиграции, боялись безвозвратности, окончательности нашей судьбы и бесповоротного решения остаться в изгнании”.⁴ Причины, по которым Италия казалась Ходасевичу лучше других стран, изложены в переписке; так он писал Анне Чулковой:

Париж очень дорог. Прага – бездарное место с совершенно озверелой эмиграцией. Италия всех дешевле и всех дальше от эмигранткины <...> если поеду в Италию, то это не роскошь, а нужда. Это только красиво звучит: “он катается по Италиям”. Никому не советую мне завидовать, и в Италию, о которой я так мечтал, мне ехать совсем не хочется.⁵

Муратов, несмотря на собственные мучительные колебания, связанные с решением оставаться на Западе или вернуться в Россию, живо следит за сложным процессом, связанным с оформлением визы для друзей, постоянно справляется у Синьорелли и информирует ее об их настроениях.

Приглашение для получения визы оформляется, как мы узнаем из публикуемой переписки, римским Институтом Восточной Европы, который именно в тот период устраивает в Риме цикл чтений с участием русских ученых и писателей, высланных из России. Имена Берберовой и Ходасевича не включены в список докладчиков, но по-видимому Муратов, курируя из Берлина организацию мероприятия, заботится о судьбе друзей. В переписке с Синьорелли Берберова сообщает Синьорелли о скором отъезде отдельных участников конференций (Бердяева и Осоргина) и, в ожидании визы, изучает итальянский язык. Вскоре однако становится ясным, что из-за бюрократических сложностей ожидание может оказаться очень долгим, тогда Ходасевич уезжает в “бездарную” Прагу, где у него нет близких друзей и он может рассчитывать только на случайное сотрудничество в журнале “Воля России”.⁶

⁴ Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М. 1999. С. 246.

⁵ Письмо к А.И. Чулковой от 21 октября 1923 г. (Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 464).

⁶ Ходасевич публикует в “Воле России” две главы из книги “Поэтическое хозяйство Пушкина” – “Гробница поэта” (1924. № 8-9) и “Молитва Иосифу” (1924. № 1-2), а также стихотворение “Доволен я своей судьбой...” (1924. № 1-2. С. 306).

... в одно прекрасное утро, не получая итальянской визы, я решил дожидаться ее в Праге. Предчувствия меня не обманули: мы выскочили из очумелого Берлина 5 числа, а 6-ого там уже пошла всякая чепуха.⁷

Надо полагать, что решение переехать в Прагу в какой-то мере продиктовано также мыслью о том, что Горький (тоже в ожидании итальянской визы), скоро приедет в Чехословакию, и свидетельствует о прочности связи двух писателей в те годы, когда Ходасевич вкладывал много энергии в журнал “Беседа”, и еще не разочаровался окончательно в Горьком.

Как видно из переписки с друзьями, отрицательное мнение поэта о русской Праге усилилось после приезда, и он, прожив там месяц, с облегчением принял предложение Горького переехать к нему в Мариенбад. Ходасевич и Берберова остались там до отъезда в Италию, 13 марта 1924 года.⁸ Маршрут по Италии можно проследить по “Камер-фурьерскому журналу” и по письмам: “Мы пробыли 8 дней в Венеции (...) Поехали во Флоренцию, но в поезде передумали и докатились до Рима. Там прожили три недели”.⁹

Приехав в Рим утром 23 марта, они почти каждый день встречались с Ольгой Синьорелли, у нее дома, на прогулках по Риму, или в Caffè Greco, и почти всегда вместе с П. П. Муратовым и Н. А. Оцупом.¹⁰

Переписка с Ольгой Синьорелли возобновляется через месяц после отъезда из Италии и переезда в Париж: Берберова пишет ей об их новой жизни, рассказывает о первых впечатлениях о городе, далеко не восторженных: для Ходасевича это – “бензин, кухня, пудра”, его угнетает отсутствие неба (письмо № 8).

Выехав на лето в Ирландию, где Ходасевич и Берберова жили у двоюродной сестры Нины Николаевны, которая была замужем за англичанином, они снова обращаются к Ольге Синьорелли и сообщают ей о намерении поехать к Горькому, который приехал в Италию в день отъезда Ходасевича и не смог с ним встретиться. Тема второй визы в Италию проходит и в переписке Ходасевича с Горьким и в переписке самой Синьорелли с Горьким.¹¹

⁷ Письмо А. В. Бахраху от 7 ноября 1923 г. (Ходасевич В. Собр. соч. Т. 4. С. 466).

⁸ “Потом пришла моя виза, но развалились зубы. Пришлось вырывать все старые и делать новые. На это ушло 1 1/2 месяца” (Письмо к М. О. Гершензону от 6 августа 1924 г. Там же. С. 474).

⁹ Там же. С. 475.

¹⁰ Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал. С. 56.

¹¹ 8 сентября 1924 г. Синьорелли пишет Горькому: “Уважаемый Алексей Максимович, визу для Ходасевича и Берберовой достала и сегодня же она отправляется в па-

Уехав из Ирландии 26 сентября 1924 года Ходасевичи возвращаются в Париж, чтобы забрать визу и отправиться в Италию. После краткой остановки в Риме, где они опять встретились с Синьорелли и с Муратовым, Берберова и Ходасевич приехали в Сорренто 9 октября.¹² В первом письме оттуда, датированном 22 октября, Нина Берберова передает своей корреспондентке первые впечатления о соррентийской жизни.

В письмах Берберовой и Ходасевича из Сорренто проходят главные темы, касающиеся их общей жизни и работы с Горьким в течении полугодового пребывания в его доме: работа для “Беседы”, их творческая деятельность, сведения об обитателях виллы “Il Sorito”, которая была снята еще весной по настоянию Ходасевича, о чем он вспоминает в своем мастерском очерке о Горьком. Дни в Сорито проходят довольно мирно, трудолюбиво и весело, а горьковская библиотека предоставляет широкий выбор как новой, так и классической литературы. Во время пребывания Берберовой и Ходасевича у Горького, в Сорренто приезжают племянница Ходасевича, Валентина с мужем (тоже благодаря хлопотам Синьорелли о визе).¹³

Из переписки мы узнаем также, что Берберова и Ходасевич исполняли роль посредников между Горьким и Синьорелли в ее деятельности переводчика. Речь идет главным образом о переводе работ Горького, но и о других замыслах, которые, правда, так и не осуществились. В письме от 9 февраля 1925 (№ 19), именно в связи с неудачными попытками помочь Синьорелли в получении интересующих ее текстов для перевода, Ходасевич выражает свое возмущение атмосферой интриг и домашнего шпионажа, которой окружен Горький. У него начинает вызывать раздражение не только антураж Горького, главным образом М.И. Будберг, но и сам “Дука”, с его “изворотами”, непослдовательностью и уклончивостью в оценке советской власти. Конец “Беседы” ускоряет решение об окончательном разрыве отношений с Горьким.

Последняя часть переписки относится к жизни Берберовой и Ходасевича в Париже, в 1925-1926 годах Берберова рассказывает Синьорелли о новостях в их жизни, о первом настоящем доме в Париже, о знакомых, об их творческой деятельности, о здоровье Ходасевича и о собственном состоянии души.

рижское консульство” (Архив А. М. Горького. КГ Рз 8 – 13/1). А 23 сентября она ему же пишет: “Ходасевич писал мне, что приедут в Рим 6 октября” (Архив Горького, КГ Рз 8 – 13/4).

¹² Ходасевич В. Камер-фурьерский журнал. С. 65.

¹³ См. письма В. М. Ходасевич во втором томе наст. издания.

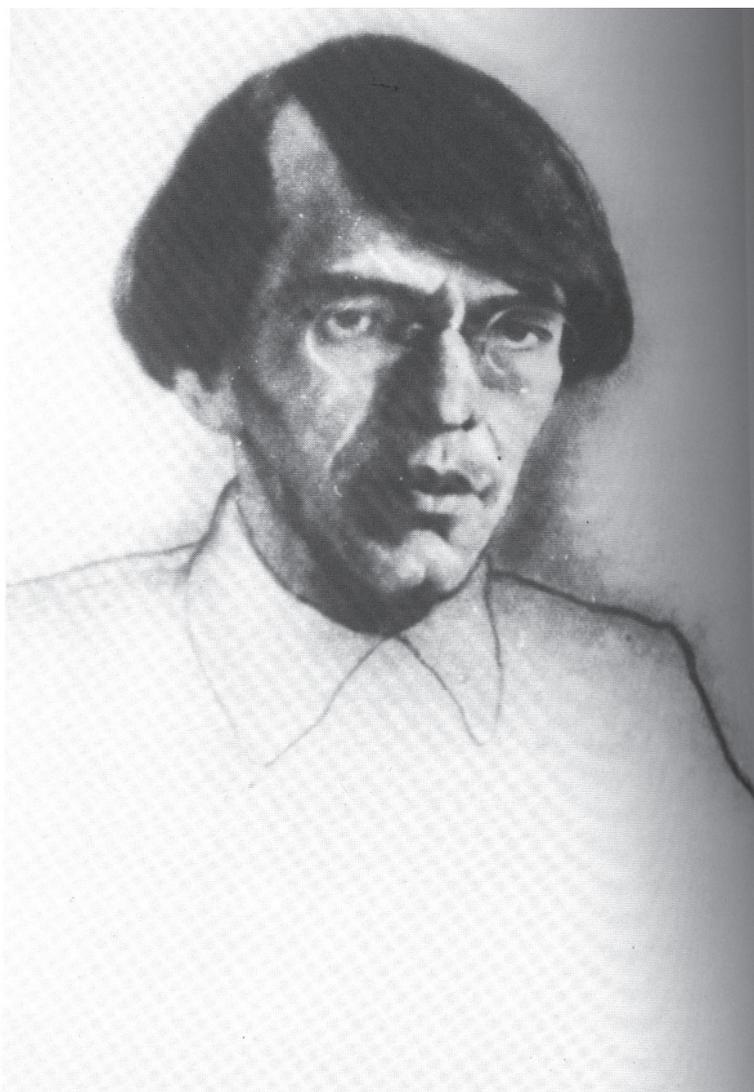
После четырехлетнего перерыва, переписка возобновляется в 1930 году, в связи с выставкой Марии Синьорелли в Париже, успеху которой дружески содействовала и Берберова, пригласив знакомых и написав рецензию.

Затем, в 1932 году Ходасевич обращается к Синьорелли с просьбой быть гарантом для Владимира Вейдле, который собирается в Италию, а Берберова сообщает ей, что они разошлись.

Переписка привносит дополнительные детали к биографической канве двух писателей. Она носит дружеский и бытовой характер, почти не касается творческой работы Ходасевича и лишь частично отражает писательскую деятельность Берберовой. Настроение ее в этих письмах в какой-то мере созвучно настроению на страницах “Курсива”, написанного много позже. К сожалению, это не относится к письмам Ходасевича, которые носят более деловой характер, и в которых почти отсутствуют его остроумие и талант мастера эпистолярного жанра, тогда как резкие и живые характеристики Берберовой отражают ее темперамент (см. высказывания о Вяч. Иванове, Зайцеве и Осоргине).

Синьорелли не входила в круг самых близких друзей Берберовой и Ходасевича, но все же отношения с ней нельзя назвать чисто деловыми. Они испытывали к ней чувство глубокой благодарности и симпатии, их связывала общая дружба со многими эмигрантами. Судя по письмам, Берберова ценила ее интерес к литературе и к искусству. Переписка содержит также новые подробности о долгих и мучительных колебаниях Муратова, связанных с решением вопроса о возвращении в Россию и детали обстановки в доме Горького в Сорренто.

Письма Берберовой и Ходасевича были нами опубликованы в 2000 году (*Газетто* Э. Письма В. Ходасевича и Н. Берберовой. Из архива Ольги Ресневич Синьорелли (1923-1932) // *In Memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина*. М. 2000. С. 277-300). Письма к ним О. Синьорелли публикуются впервые. В публикацию входят все письма Берберовой и Ходасевича, хранящиеся в FSFC и 13 ответных писем Синьорелли, хранящиеся в Гуверовском архиве (Boris I. Nicolaevsky Collection, box 402, folder 9, microfilm reel 286, Hoover Institution Archives). Письма печатаются по автографам, кроме письма № 30, которое воспроизводится по копии в фонде Синьорелли. Ходасевич всегда писал, следуя правилам старой орфографии, Берберова – новой. В настоящей публикации мы переводим все письма на современное правописание. Содержание некоторых писем перекликается с письмами П. П. Муратова и В. М. Ходасевич, опубликованными во втором томе настоящего издания. В дальнейшем во избежании повторов мы указываем только даты писем этих корреспондентов без указания тома.

В. Ф. Ходасевич. Рисунок Н. Н. Вышеславцева. 1922 г.

1

В. Ф. Ходасевич – О. Синьорелли

<начало/ середина октября 1923 г.>¹

Berlin W. 30, Victoria-Luise Pl., 9

Pension Crampe

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Павел Павлович² мне говорил, что Вы уже предприняли шаги по поводу нашей визы. Большое Вам спасибо за это. Мы уже подготовили все к отъезду. Теперь, так сказать, сидим на запакованных чемоданах и на другой день после получения визы тронемся в путь.

Целую Вашу руку. Жена тоже благодарит и шлет привет.

Владислав Ходасевич

¹ Датируется по содержанию.

² П. П. Муратов.

2

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

Berlin W. Victoria-Luise Pl. pens. Crampe

20. X.<1923>¹

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

простите меня за беспокойство: я решаюсь обратиться к Вам. Сегодня во второй раз была в Итальянском консульстве, – там мне сказали, что ни мне, ни Ходасевичу визы еще нет. По их словам выходит, что раньше, чем в субботу, 27-го числа, визы быть не может, ибо курьеры из Рима приезжают только по пятницам. Поэтому я решила сегодня послать Вам телеграмму – не будете ли Вы так добры попросить, чтобы визу переслали в берлинское консульство по телеграфу? Простите за все это беспокойство: знаю отлично, что Вас не в меру затрудняю.

Пав<ла> Пав<ловича> выдаю ежедневно. Мне трудно о нем писать. Когда увижу Вас, то расскажу Вам о нем многое. Ваши письма его бодрят и радуют. Спасибо Вам. Ехать в Россию он решил; обещает весной вернуться, – но вынесет ли весь этот крест, – не знаю. Настроение его буквально отчаянное. Если бы Вы были здесь – может быть нам вдвоем удалось бы его “не пустить”. Вы не поверите, как и я и Ходасевич его уговариваем, – но все понапрасну. Душевное его состояние ужасно.²

Еще раз благодарю Вас за все Ваши заботы о нас. Бердяевы и Осоргин едут завтра.³ Жму Вам руку, Ходасевич сердечно кланяется.

Ваша Н. Ходасевич-Берберова

¹ Датируется по содержанию.

² О долгих и тяжелых колебаниях П. П. Муратова по поводу возможного возвращения в Россию, см. его письма к Синьорелли за август, сентябрь и октябрь 1923 г.

³ Николай Бердяев и Михаил Осоргин участвовали в цикле чтений, организованном в 1923 г. в Риме Э. Ло Гатто в итальянском Институте Восточной Европы. См. письма Бердяева в наст. томе и письма Осоргина во втором томе наст. издания.

3

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

24-го октября <19>23, Рим

Получаю как раз Ваше письмо, по которому вижу, что посылая вчера телеграмму на № 3 Вам, я ошиблась, но, надеюсь, вы ее все равно получили. Нам обещали дать вам визу по телеграфу, так как мы тут им сказали, что и Вы и Ходасевич приглашены Восточ<ным> Институтом, а виза будет выслана вам вместе с визой Карсавину.¹ До скорого свидания, надеюсь, и всего-всего наилучшего.

О. Ресневич

Пишите мне про П<авла> П<авловича>.

¹ Историк и религиозный философ Лев Платонович Карсавин (1882-1952) был среди приглашенных профессоров на цикл лекций в Риме в ноябре-декабре 1923 г.

4

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

30. X. 1923

Berlin. Victoria-Luise Pl. 9, Pens. Crampe

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

обе Ваши открытки я получила,¹ а не отвечала потому, что все поджидала визу. Вчера была в консульстве. Визы все еще нет. Надо терпеливо ждать: ничего не поделаешь. Они говорят, что и “телеграфно” визы идут через курьера. Следующий курьер ожидается завтра, так что послезавтра, в четверг, я опять пойду справляться. Думаю, что на сей раз я получу. А если нет – буду ждать еще и еще.

Берлин пуст. Остались буквально П<авел> П<авлович> и мы. Теперь расскажу Вам о П<авле> П<авловиче>. Он до последних дней ко-

Н. Н. Берберова. 1920-е гг.

лебался, ехать ему в Россию или нет, несмотря на категорические письма к Вам и вообще в Италию. Он ждал присылки ему денег из России, без кот<орых> не представлял поездки в Москву. Третьего дня пришла телеграмма, что деньги эти он не получит. Он пришел ко мне. Лицо его сияло! Он едет в Италию! Жизнь в Москве без копейки, конечно, казалась ему невозможной. Он решил с женой и сыном ехать в Рим. Жена его принципиально была на это согласна. Он ушел от нас с тем, чтобы вечером послать уже в Рим телеграмму.² Но вечером пришел еще раз; и объявил, что окончательно едет в Россию. Мотивы: все та же семейная обстановка, ставшая ему невтерпеж. Ему были поставлены ряд условий (обязательное возвращение в марте в Москву, совместная жизнь в Риме и пр.) кот<орых> он не смог принять. Мне осталось только изо всех сил бодрить его. Действительно: с вокзала же он отправится в Москве *один* жить к своему приятелю, и это уже очень хорошо. Даст Бог, обойдется зима, (денежно) и через четыре месяца он вернется в Италию спокойно и свободно. Я, может быть, ошибаюсь, но думаю, что вернется *он без сомнения*, если только политически это будет возможно. Настроение его мрачно. Ужасно, что помочь ничем нельзя, только добрым словом, а это, что ни говорите, все-таки очень мало. Он обязательно хочет сперва проводить нас, а потом уже ехать. Он ходит со мной в консульство и занимается итальянским. Я думаю,

что, приехав в Италию, скоро заговорю. Пока одолела грамматику, (что очень ведь просто). Мы мечтаем с Ходасевичем возобновить в памяти латынь. Вообще мысли и даже сны – все об одном, – об Италии.

Еще раз очень и очень благодарю Вас за все, что Вы сделали для нас, дорогая Ольга Ивановна! Простите за беспокойство, кот<орое> мы причиняем Вам. Я надеюсь, что послезавтра я наконец получу визу – тогда мы выедем буквально в 3 дня. Неделю мы пробудем в Венеции, а оттуда во Флоренцию, где и остановимся – пока. Я напишу Вам тотчас же по получению визы. Спасибо еще раз.

Ваша Нина Берберова

Ходасевич низко Вам кланяется.

<приписка Ходасевича>:

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

я все же не уверен, что и в четверг виза будет. Между тем, мы напрасно проживаем здесь дни, кот<орые> могли бы прожить в Италии. Поэтому, если не трудно, – не *напомните ли*, кому надо, что если визу еще не послали, то чтобы послали со следующим курьером.

Простите, что так затрудняю Вас. Но я сижу, жду – и не могу работать.

Целую Вашу руку. Владислав Ходасевич

¹ Сохранилась только публикуемая открытка от 24 октября 1923 г.

² В тот же день Муратов отправил Синьорелли следующее письмо: “Дорогая Ольга Ивановна! Мы скоро увидимся... Мне стыдно написать Вам эту удивительную вещь. Но таковы русские!” (см. письмо от 30 октября 1923 г.).

5

В. Ф. Ходасевич – О. Синьорелли

1 ноября 1923

Берлин

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

сегодня выяснилось, что виза еще не получена из Рима. Следующий курьер придет только 8 ноября, – да и то нет гарантий, что он привезет наши визы. Поэтому мы решили переждать это время в Праге. К Вам же у меня просьба: пожалуйста, попросите в Министерстве, чтобы визы послали нам не в Берлин, а *в Прагу, в Чехословакию*. Если бы Вы были добры внести деньги в министерство на посылку визы по телеграфу – я был бы Вам бесконечно благодарен, так как нам не хочется долго сидеть в Праге. Если бы Вы сейчас были в Берлине, то поняли бы

причины, по которым мы так поспешно уезжаем. Мы едем 4 числа утром.

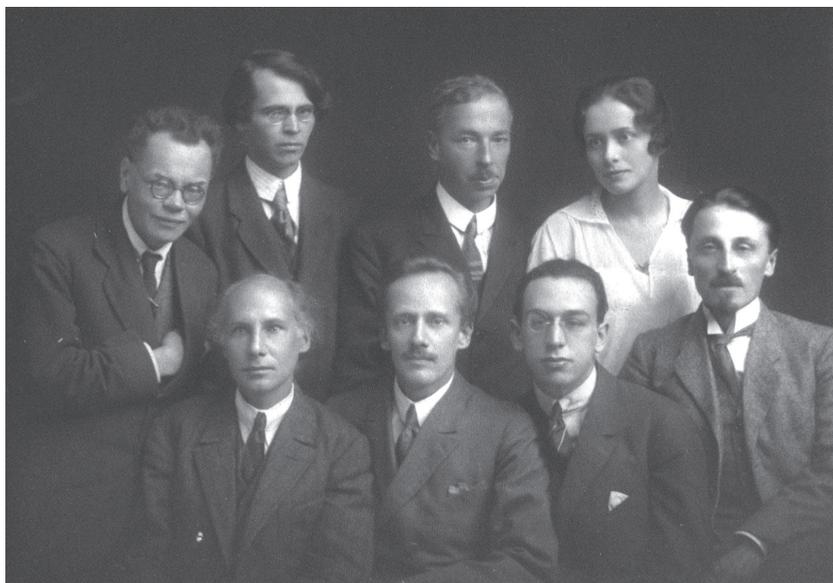
Павел Павлович, как Вы знаете, переменял решение и едет в Италию. Но я думаю, что к тому времени и ему придется ехать через Прагу. Он едет в среду, 7 числа.

Пожалуйста, не сердитесь за причиненные хлопоты – и, если можно, постарайтесь, чтобы мы могли явиться в Риме благодарить Вас.

Целую Вашу руку. Нина Николаевна шлет сердечный привет.

Владислав Ходасевич

Мой пражский адрес: Panu W. Chodassewic. Uhelny trh, 1. "Volia Rossii" Praha II. Tschecoslovakie.

Слева направо в втором ряду: А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, П. П. Муратов, Н. Н. Берберова; в первом ряду: Андрей Белый, М. А. Осоргин, А. В. Бахрах, Б. К. Зайцев. Берлин, 8 сентября 1923 г.

6

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

<30 апреля 1924>¹

Paris (XIV), 207 Boulevard Raspail

Милая Ольга Ивановна!

Сегодня понедельник – ровно четыре недели прошло с тех пор, как мы были на Фраскати.² Я потеряла понятие о времени года: тогда была весна, а сейчас здесь осень – туманная и холодная. Мало радостного было за это время; от Италии остался большой свет, – им и живу.

Первая моя мысль была о Вас, когда я узнала о кончине Дузе.³ Это Вы научили меня как-то угадывать в ней большого человека. Тысячу раз жалею, что ни разу не видала ее. Думаю, что Вам очень больно сейчас, – всем сердцем разделяю Вашу печаль.

Мы устроились в чудесном квартале, видимся с немногими людьми,⁴ живем замкнуто. Думаю, что это надолго, чувствую, что нашли какую-то оседлость. Говорят, Париж прекрасен – но я пока не вижу.

В<ладислав> Ф<елицианович> собирается много работать – иначе и нельзя. Жизнь здесь прямолинейна и сурова. Кое-как нашли обиталище: комнату и кухню. Я хозяйничаю сама – пока это меня не угнетает, – а в кухне висит портрет Геге, над моим “письменным” столом.

Стихов не писала пока, но кажется напишу, и тогда пришлю Вам, если позволите, – в душе много накопилось за тот лучший месяц, проведенный в Италии.

Я писала Павлу Павловичу недавно. Как здесь ни трудно, но прожить все же можно, а в особенности ему, – но его не уговоришь.⁵ А из России плохие вести. Душа разрывается, когда подумаю о нем, но я помочь ничем не могу, могу только, кажется, портить.

Милая Ольга Ивановна, не ругайте меня, что я долго не писала и написала короткое письмо. Я совсем не умею писать писем, могу только вспоминать и любить – что и делаю.

Целую Вас и прошу передать поклон мой г-ну Профессору.

Ваша Нина Берберова

Если будете мне писать, то, пожалуйста: две фамилии.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Frascati, городок в окрестности Рима, известный своими старинными виллами, парками и фонтанами. По “Камер-фурьерскому журналу” (С. 56) Ходасевича экскурсия в Фраскати состоялась 7 апреля.

³ Элеонора Дузе умерла 21 апреля 1924 г., была близка с О. Синьорелли, которая после смерти друга посвятила ей книги и издала ее письма; см. об этом в письмах как русских, так и итальянских корреспондентов во всех томах наст. издания.

⁴ В “Камер-фурьерском журнале” (С. 57-59) после приезда из Италии до конца апреля упоминаются Осоргин, Ремизов, Познеры, старшая сестра Ходасевича Евгения, издатель Гржебин и А. И. Гуковский, соредатор “Современных записок”.

⁵ Муратов переехал в Париж в марте 1927 г.

7

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

13 июля 1924

Рим

Дорогая Нина Николаевна,

не взглядывая на число на Вашем письме, отвечаю как будто я получила его вчера.

Хоть предупредила вас об этом одном из моих главнейших недостатков, медлила все-таки слишком долго: это тем более непростительно, так как ваше доброе письмо тронуло меня глубоко и пришло в очень тяжелую минуту моей жизни.¹

От всего сердца спасибо вам за это.

Вы, конечно, поймете мою-нашу радость, когда Павел Павлович решил отложить свою поездку в Россию.² Хотя и теперь его положение очень неопределенно – но все-таки он пока тут – и это уже много!

Скоро я его увижу в Sorrento, и он мне говорил, что к осени и вы туда собираетесь: как жалко, что меня уже там не будет. Но я от души рада, что и вам придется побыть в этом рае земном в самом полном смысле этого слова. Но все же – вы поедете же через Рим, и мы опять бросим soldo nella Fontana di Trevi³ и выпьем красное или белое довольно скверное вино в нашей “Pizzeria”, которая переходит в историю, благодаря последним темно политическим событиям. И помнится мне рассказ Оцупа⁴ о его почти такого рода приключениях в России.

Простите это сухое и серое письмо: но жара стоит такая, что высыхают не только идеи и мысли, но даже чернила под пером, а притом – как я вам говорила – и я не умею писать писем.

Надеюсь, что Вы работали, и очень прошу, пришлите мне что-нибудь из ваших стихов.

И пишите мне скоро.

Привет Ходасевичу. Целую Вас крепко. Ваша Ольга Ресневич

Адр<ес> от 25 июля до конца августа: Hôtel Cocumella. S. Agnello di Sorrento (Napoli).

<приписка на полях>

Просила искать для меня в Берлине Дневник Достоевской,⁵ о котором вы мне говорили, но там его не нашли. Нельзя ли найти его в Париже?

¹ Имеется ввиду смерть Дузе.

² Весной 1924 г. Муратов снова начал собираться в Россию.

³ По старой традиции бросать монетку в фонтан Треви – примета, которая дает надежду на возвращение в Рим.

⁴ Речь идет о поэте Николае Оцупе (1894-1958). См. его письма во втором томе наст. издания. Политические обстоятельства фашистской Италии после похода на Рим в октябре 1922 г. напоминают Ольге Синьорелли рассказы Николая Оцупа о пореволюционных годах, воспоминания о которых вошли в книгу: *Оцуп Н. Современники*. Париж 1961 (см. первую часть книги “Петербургские воспоминания”. С. 7-114).

⁵ Имеется в виду книгу: *Достоевская А. Г. Дневник 1867 года*. М.: Новая Москва, 1923. В эти годы Синьорелли работала над переводом “Бесов” и др. произведений Достоевского.

8

В. Ф. Ходасевич и Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

6 авг<уста 1>924

Croft House, Holywood, Co. Down, Ireland

Милая Ольга Ивановна,

если я из Парижа не писал Вам, то не потому, что забыл вас, а потому, что уж очень не мастер писать письма. К тому же, моя парижская жизнь была так беспокойна и трудна, что сил не было собраться с мыслями. Теперь мы в Ирландии, отдыхаем и понемногу становимся людьми. Здесь очень уединенно и тихо, виден из моего окна даже кусочек моря.¹ Я собираюсь приняться за писание стихов, а Нина много времени проводит со своей матерью, приехавшей сюда на время из России.²

После Италии Париж (в котором я раньше не бывал) показался мне очень серым и грубым, чем-то вроде похорошевшего Берлина. Здесь, в Ирландии, и то лучше. Главное – хоть плохое, а небо. А Париж – бензин, кухня и пудра. Поэтому я с ужасом думаю о возвращении туда и очень хотел бы избежать этого, – что, отчасти, зависит от Вас. Мы уедем отсюда в конце сентября. Ах, если бы Вы могли и захотели добыть нам к тому времени итальянскую визу! У нас, кажется, будут деньги, и мы сможем поехать в Италию: в Рим – к Вам, и в Сорренто – к Горькому.³ Пожалуйста, напишите, можем ли мы рассчитывать на Вашу помощь. Я нарочно пишу так рано, чтобы в сентябре не задержа-

ваться в Париже, а остановиться там на несколько дней, получить визу итальянскую и ехать в Италию.

Если бы Вы были добры похлопотать о нас, то вот необходимые сведения о наших особах:

1) Ходасевич, Владислав (Khodassevitch, Vladislav). Родился в Москве в 1886 г. Литератор. Паспорт советский. Цель поездки – лучше всего любовь к Италии, можно – здоровье. В последний раз был в Италии с 14 марта по 14 апреля этого года.

2) Берберова, Нина (Berberova, Nina). Родилась в Петербурге в 1901 году. Литератор. Паспорт советский. Цель поездки – та же. В последний раз была в Италии с 14 марта по 14 апреля этого года.

Визы должны быть направлены в *Парижское* консульство итальянское, т. к. здесь консульства нет, а в Лондоне мы не остановимся.

Все это я нарочно пишу на зеленой бумаге, чтобы она не затерялась между Вашими вещами, а еще потому, что это – цвет надежды.

Да! прося для нас визы, укажите, что мы едем *из Франции* и что у нас есть *обратные французские визы*, это сильно облегчает дело. Пришла Нина и требует, чтобы я оставил низ страницы для нее. Она хочет писать Вам. Будьте здоровы. Пожалуйста, ответьте вообще и о визе – в частности. Целую Ваши руки.

Владислав Ходасевич

<письмо Нины Берберовой>

Ирландия, дорога Ольга Ивановна, это такой север, такая осень, такое белое небо, что и сказать нельзя. Живем мы английской жизнью, размеренной, “удобной” и однообразной. Люди и страна без аромата, без гибкости. На душе безмятежно, ибо не может быть иначе, когда раза три в день ходишь в огород и ешь клубнику, когда лежишь на ковре возле камина, питаешься поджаренным хлебом – Вы представляете себе это! Да еще Ходас<евич> научился вечерами играть в бридж. У меня полная уверенность, что я на другой планете, где люди не видели никогда ни зноя, ни синевы.

У меня здесь большая радость: моя мама приехала из России на два мес<яца> чтобы повидать меня. Когда слушаешь ее рассказы о тамошней жизни, жалеешь, что нет возможности крикнуть на весь мир об этом: Вы понимаете, что о преувеличении не может быть и речи; то, что делается сейчас там в смысле высылания ни в чем неповинных людей в Сибирь – ужасно. Причем детей отсылают обязательно в другое место и жену в третье. Люди стреляются на каждом шагу. Из моих друзей (молодежи) лишь двое оставлены, остальные “вычищены” из университетов.

Милая Ольга Ивановна, как мне ни совестно Вас беспокоить, но я присоединяюсь к просьбе В<ладислава> Ф<елициановича> о визе. Уж очень тянет нас использовать маленькую возможность побыть снова в Италии.

Целую Вас. Ваша Н. Берберова

Письмо Оцупу я передала.

¹ О своем пребывании в Ирландии Ходасевич написал очерк “Бельфаст” (Последние новости. 26 мая 1925). О пребывании в Ирландии см. также *Ходасевич В.* Собр. соч. Т. 4. С. 474-480.

² Мать Н. Н. Берберовой, Н. И. Караулова, дочь тверского помещика и земского деятеля.

³ См.: *Ходасевич В.* Собр. соч. Т. 4. С. 477-478.

9

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

7-го сентября <1924>,¹ Рим

Via XX Settembre 68

Дорогая Нина Николаевна,

получила Ваши письма и обрадовалась очень вашему скорому приезде. Хотела и собиралась писать очень длинное письмо, но время пролетело незаметно, и так и не собралась: когда приедете поговорим обо всем и покутим по-настоящему.

Вернулась в Рим 4-го сентября и сейчас хлопотала о визе и подписала ручательство. Обещали, что в понедельник ее вышлют и что, во всяком случае, в следующую субботу она будет в парижском консульстве. Горький просил хлопотать и для Diederichs,² но тут оказалось, что они уже подали прошение в Лондоне и таким образом *нельзя обойти* Мин<истерство> Внутр<енних> Дел: во всяком случае, постараюсь, чтобы там двинуть дело.

Дайте мне знать день Вашего приезда и до скорого свидания, жму ваши руки. Ваша Ольга Ресневич

Павла Павловича не узнать: он добрый, веселый.

¹ Датируется по содержанию.

² Имеется ввиду В. М. Ходасевич и ее муж А. Р. Дидерикс.

10

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

12. IX. <1924>¹

Croft House, Holywood, Co. Down

Дорогая Ольга Ивановна,

не знаю, как благодарить Вас за Ваши хлопоты и письмо! Вчера получила его и совсем мы как дети прыгали и радовались весь день. Если все свершится, как мы предполагаем, т. е. виза будет в Париже до нас, то, думаю, числа 6-7-го окт<ября> увижу Вас, фонтаны, форум. Отсюда мы выезжаем 26-го. Рады бы раньше, да нельзя. 27-ого вечером в Париже. Пробудем дня 4. Оттуда числа 2-го выедем и остановимся в Генуе дня на два.

Сейчас пишу Вам и не знаю – неужели будет мне это счастье увидеть Пинчио, небо, город. Здесь я едва живу. Мы ездили (на автомобиле) на крайний север Ирландии, где все англичане говорили very nice, – а мы с ума сходили от ветра, холода и безобразности.

Милая Ольга Ивановна, я из Парижа черкну Вам в точности день нашего приезда. Постараемся приехать вечером, чтобы вновь увидеть берега по дороге.

Сегодня же напишу Павлу Павловичу – не знаю, где он будет около 6-ого числа. Думаем в Риме пробыть несколько дней и мечтаем остановиться в Santa Chiara.²

Ветер завывает в камине, но мне все равно. Голова кружится от мыслей.

До свидания, обнимаю Вас и благодарю горячо.

Ходасевич низко кланяется. Ваша Н. Берберова

¹ Датируется по содержанию.

² Название римской гостиницы в центре города.

11

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

16-го сентября <1924>¹

Рим

Дорогая Нина Николаевна,

очень, очень рада и за Вас и за нас, что скоро увидимся и побродим по Риму и покутим и поговорим о многом.

Горький тоже обещал приехать, когда Вы будете в Риме.

Павел Павлович путешествует по Апулии,² но к концу этого месяца и он надеется быть в Риме.

Посылаю вам письмо из Министерства, где мужу сообщается, что визы вам высланы: оно вам может пригодиться.

Обнимаю Вас сердечно и привет Ходасевичу. Ваша Ольга Ресневич

¹ Датируется по содержанию.

² Поездка Муратов по многочисленным городам Апулии, совершенная в первой половине сентября, лежит в основе его эссе “Поездка в Апулию”, опубликованном в “Современных записках”. 1925. XXIV. С. 174-212.

12

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

4. X.<1924>¹
<Париж>

Дорогая Ольга Ивановна,

в понедельник вечером приезжаем в Рим, во вторник утром думаем быть у Вас. Все в порядке, спасибо Вам. Ночуем в Генуе, сегодня едем. Обнимаю Вас. Ходасевич целует Вашу руку. Н. Берберова

¹ Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

² Эти планы осуществились, по “Камер-фурьерскому журналу” Ходасевича (С. 65) известно, что они приехали утром в понедельник 6 октября в Рим и вечером посетили Синьорелли и вместе поехали в пиццерию.

13

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

15 октября <1924>, Poggibonsi¹

Дорогая,

сердечный привет и Вам и Ходасевичу и Алексею Максимычу. Здесь дивно: это не Ирландия. Сегодня кончают жатву винограда: вино Poggibonsi – это статья особенная! Завтра едем в Volterra и S. Gimignano, потом и в Сиену. Живу я в этом замке.²

Сердечно Ваша Ольга Ресневич

¹ Городок в Тоскане, между Сиеной и Сан Джиминьяно. Датируется по почтовому штемпелю и по содержанию.

² На открытке вид замка Castello di Badia.

14

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

22. X.<1924>¹

Villa Massa

Дорогая Ольга Ивановна,

так значит Poggibonsi есть, или даже – было (т. к. Вы мое письмо получите уже в Риме). Мало того, здешняя молодежь вернулась из поездки на мотоциклете² и подтвердила существование кипарисов и чудного вина.

Здесь действительно великолепно, неожиданно великолепно, как всегда на юге. Первые дни было так тепло, что я даже загорела.

Атмосфера в доме легкая, свободная, дружественная. Оба чувствуем себя хорошо.

Насчет переводов Алекс<ей> Макс<имович> просил Вам передать, что книга его в целом (где про Блока и прочее)³ – запродана итальянскому издательству и деньги за нее получены – так что он не может вторично согласиться на перевод. Что до других вещей (всех его статей и рассказов, печатающихся где бы то ни было сейчас), то они вполне свободны, к их числу принадлежит и статья о Ленине.⁴

Я сейчас перевожу с французского для “Беседы”.⁵ Написала 2 стиха.⁶ Ходасевич делает вид, что мастер предсказывать погоду, но его пессимизму никто не верит.

На зиму переберемся, очевидно, в Саро.⁷

Не забывайте нас, милая Ольга Ивановна.

Всегда Ваша Н. Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Речь идет о знаменитой мотоциклете, упоминаемой в стихотворении Ходасевича “Соррентинские фотографии”; она принадлежала сыну Горького, Максиму Пешкову; на ней часто он возил гостей Горького.

³ Имеется в виду книга “Заметки из дневника. Воспоминания” (Берлин 1924). Книга в итальянском переводе Eme Cadei вышла в Милане у издателя Морреале в 1925 г. под названием “Noterelle”.

⁴ Ранний вариант воспоминаний Горького о Ленине был впервые опубликован в газете “Известия” (1924. № 84. 11 апреля). Другой вариант вышел в “Русском современном” (10 мая 1924), с большими купюрами. На эту тему см.: *Иокар Л. Н.* К истории публикации первого варианта очерка “В. И. Ленин” // *Неизвестный Горький*. Вып. 4. М.: Наследие, 1995. С. 86-90. О составлении этого очерка и разных его вариантах, см. также: *Н. Берберова*. Железная женщина. Нью-Йорк 1982. С. 200.

⁵ Об истории журнала “Беседа” см.: Письма Горького к В. Ф. Ходасевичу // *Новый Журнал*. 1952. № 29-31; *Ходасевич В. Ф.* Горький // *Некрополь*. Bruxelles 1939; *Бербе-*

рова Н. Три года жизни М. Горького (1922-1925) // Мосты. 1961. № 8; Котрелев Н. Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала “Беседа” // Europa Orientalis. 1995. № 2. С.183-208.

⁶ Н. Н. Берберова опубликовала в первом выпуске “Беседы” под заглавием “Стихи” 4 стихотворения, одно из которых посвящено Берлину (Беседа. 1923. № 1); она также переводила для журнала с немецкого и с французского: например, перевод с рукописи очерка Р. Роллана “Махатма Ганди” (Беседа. 1923. № 1, 2), изданного впоследствии отдельной книгой в издательстве “Эпоха”; и новый перевод с немецкого знаменитой баллады Г. А. Бюргера “Ленора” (Беседа. 1923. № 3).

⁷ Имеется в виду Capo di Sorrento, небольшой городок рядом с Сорренто.

15

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

31 октября <1924>,¹ Рим

Дорогая Нина Николаевна,
вот я опять в Риме и Poggibonsi и Флоренция и Сиена – это прош-
лое.

Но и Рим – это Рим – и я очень, очень довольна моим недавним
прошлым....

Жалко, что ваши не знали где я – а то бы заехали к нам, и замок
стоил, чтобы его осмотрели, а вино в замке старое, хорошее.

Пока ничего не могу делать, кроме самой неоткладной работы: пе-
реживаю впечатления, вынесенные за это короткое путешествие. Они
многочисленны, и путешествие, мне кажется, долгим, бесконечным.

Были мы в Volterra, S. Gimignano, Certaldo (родина Воссaccio), Sie-
na, Orvieto, Todi и Perugia. И Павла Павловича за эти дни видала мало.

Очень рада за вас – представляю себе, как теперь хорошо в Сор-
ренто.

Мне к вам просьба: попросите Ал<ексея> М<аксимовича> и приш-
лите мне его статью о Ленине: она напечатана, кажется, в “Русском Со-
временнике”.² Может быть, что пришлете и что-нибудь другое. Книжку
“Р<усского> Совр<еменника>” и Дневник Достоевской я верну дней
через десять. Ал<ексей> М<аксимович> мне говорил про какую-то
пьесу “Вне закона”.³ Как и где ее достать? Меня просили достать что-
нибудь интересное, что можно было бы поставить в театре Pirandello,
который откроется в Риме в январе.⁴ Подумайте и напишите как можно
скорее.

Сердечный привет Ал<ексею> Максимычу.

Сердечно ваша Ольга Ресневич

¹ Датируется по содержанию.

² Подробно об итальянском переводе статьи М. Горького о Ленине см. в письме В. М. Ходасевич от 14 февраля 1924 г.

³ Имеется ввиду пьеса Л. Н. Лунца “Вне закона” (Беседа. 1923. №1). Подробно о дружеском отношении М. Горького к Лунцу и об итальянском переводе его работ см. в письме В. М. Ходасевич от 14 февраля 1924 г.

⁴ Речь идет о Художественном Театре Пиранделло, который открылся в Риме 2 апреля 1925 г. С ним сотрудничала В. М. Ходасевич (см. ее письма).

16

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

4. XII.<1924>¹

Capo di Sorrento. “Il Sorito”

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что не писала Вам. Жизнь здесь течет по-прежнему. Мы переехали на другую дачу, я ездила на мотоциклетке в Равелло и Амальфи, – вот и все события. Но я много писала это время. Во-первых, перевела новую драму Роллана (для “Беседы”) – по-моему не хорошую.² Затем перевела повесть с французского тоже (и тоже для № 7 “Беседы”), затем – писала стихи. Кроме того у Алекс<ея> Макс<имовича> масса хороших книг – пересланных из Берлина. Перечитываю Стендаля, Флобера, римских авторов.

Ходасевич немножко хворает, а то было бы совсем хорошо. Но и вообще – здесь очень, очень чудесно, тихо, ясно и благополучно – иногда хочется и этого.

Милая Ольга Ивановна, не ругайте меня – я сделала все, что могла относительно статьи о Ленине. Вам ее в *полном* (не урезанном) виде должны прислать из Берлина.

Пьеса “Вне закона” – Лунца, моего друга, молодого беллетриста, умершего полгода тому назад.³ Пьеса может Вам подойти. Она напечатана в № 1 “Беседы”. Есть ли у Вас он? Если нет, я пришлю. “Вне закона” переведено на немецкий и чешский языки⁴ и сейчас где-то идет – не то в Праге, не то в другом месте.⁵

В № 7-ом “Беседы” будет рассказ Горького (6 января должно быть) – по-моему удачный: может быть пригодится Вам.⁶ Вообще же я не совсем понимаю, в какой мере его переводы свободны.

Едете ли Вы куда-нибудь на Рождество? Мы тут хотим даже маленькую елку устроить.⁷

Между прочим, прочла я здесь Папини “Трагическ<ую> ежедневность”.⁸ До чего этот человек умен и остер! Воображаю, какой он интересный собеседник!⁹

Привет Вам от Ходасевича. Целую Вас и жму Вам руку.

Н. Берберова.

Что за человек Вач<еслав> Иванов? Знаете ли Вы его?¹⁰ Мне очень интересно Ваше о нем суждение.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Речь идет о пьесе Р. Роллана “Le Jeu de l’Amour et de la Mort” (“Игра Любви и Смерти”); перевод предназначался для 7-го номера журнала “Беседы”, но напечатан не был. 16 марта 1925 г. Берберова пишет В. Я. Ирещкому об этом переводе и тоже отрицательно отзываясь о пьесе: “Пьеса так плоха, так скучна, так неинтересна театрально” (Письма В. Ф. Ходасевича к В. Я. Ирещкому // НЛО. 2008. № 90. С. 152). В переводе Берберовой вышло другое сочинение Роллана: *Роллан Р. Махатма Ганди*. Перевод с рукописи Нины Берберовой. Берлин: Эпоха, 1924.

³ Лев Натанович Лунц (1901-1924) – прозаик, драматург и публицист из литературной группы “Серапионовы братья”. Спустя много лет Н. Н. Берберова опубликует в Нью-Йорке двенадцать писем Лунца. *Берберова Н. Из петербургских воспоминаний. Три дружбы // Опыты*. 1953. № 1. С. 163-180.

⁴ Пьеса “Вне закона” была сразу переведена на немецкий язык (Vogelfrei // Der Querschnitt. 1925. № 1. Переводчик Д. Уманский), на английский язык (Beyond the Law // American Labour Monthly. 1924. February-September. Переводчица Fania Hural), на итальянский язык (Fuori legge / Предисловие М. Горького. Roma: Istituto Editoriale Italiano, 1925. Переводчик Э. Ло Гатто). История перевода пьесы по-итальянски произвела к разрыву между Ло Гатто и Синьорелли, которые в то же самое время взялись за перевод. О переводах других сочинений Лунца см. *Лунц Л. Завещание царя / Сост. и предисловие В. Шрика. München: Verlag Otto Sagner, 1983. P. 201-203*. Чешский перевод нам не известен.

⁵ Пьеса “Вне закона” была поставлена в 1924 г. в Берлине.

⁶ “Рассказ о необыкновенном” Горького напечатан в последнем выпуске “Беседы” (Берлин 1925. № 6/7).

⁷ Ходасевич описал эту елку в письме к М. О. Гершензону (*Ходасевич В. Ф. Собр. соч.* Т. 4. С. 482).

⁸ Речь идет о книге рассказов Джованни Папини “Il tragico quotidiano. Favole e colloqui” (Firenze: Lumachi, 1906), которая вышла в Берлине под заглавием “Трагическая ежедневность” (Перев. Ю. Балтрушайтиса, Р. да-Рома и Б. Я., под ред. А. Л. Волинского. Берлин: Гиз, 1923). Это был один из первых “метафизических” текстов Папини.

⁹ Синьорелли была в дружеских отношениях с Папини. Их переписку см.: *L’epistolario di Giovanni Papini e Olga Signorelli / Introd. e note di R. Vassena. ARI, VI. T. 1. S. 129-300*.

¹⁰ Вяч. Иванов приехал в Рим в сентябре 1924 г. и вскоре написал Горькому, предлагая свои “Римские сонеты” для журнала “Беседа”. Об этом периоде жизни Иванова

см. *Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала "Беседа" см.: *Platone R. Un tentativo fallito: la rivista "Beseda" // Europa Orientalis.* 1984. P. 171-188. Об отношении Синьорелли и Вяч. Иванова см. в преамбуле к их переписке ("Тройная переписка") в наст. томе.

17

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

25 декабря 1924, <Рим>

Дорогая Нина Николаевна,

поздравляю Вас и Ходасевича и Алексея Максимыча с Рождеством и желаю Вам всего наилучшего. Не писала вам, так <как> была очень занята все эти дни.

Мне очень нравится "Вне закона" и говорила об этом Пиранделло, и он просил меня перевести ему это.¹ Через два-три дня кончаю работу: но от кого зависит авторское разрешение?

Жду с нетерпением обещанные мне "Воспоминания о Ленине".² Когда получу их? Когда могу надеяться?

От души всего наилучшего. Ваша Ольга Ресневич Синьорелли

¹ Пиранделло задумал поставить в Художественном театре "Вне закона" Лунца, но впоследствии экономические трудности не позволили ему реализовать этот проект. Из русских пьес Художественный Театр поставил арлекинаду Н. Н. Евреинова "Веселая смерть" (29 апреля 1925) в переводе Раисы Олькеницкой-Нальди, драму Н. Н. Евреинова "Самое главное" (29 мая 1925) в переводе Р. Олькеницкой-Нальди (этот спектакль шел в разных городах Италии в течении двух лет), и драму "Лабиринт" Соломона Полякова (7 апреля 1927). В главных ролях играли любимые актеры Пиранделло – Марта Абба и Ламберто Пикассо. О Художественном Театре и его спектаклях см.: *D'Amico A., Tinterri A. Pirandello sarcosomico. Palermo: Sellerio, 1987.*

² Фрагмент "Воспоминаний о Ленине" был переведен Э. Ло Гатто и опубликован в журнале "Russia" (1925. № 1. P. 50-56). Об истории этого перевода см. подробнее в письмах В. М. Ходасевич.

18

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

28. I.<1925>, 1^а"Il Sorito"

Дорогая Ольга Ивановна,

в пятницу в Рим из Сорренто приедут племянница В<ладислава> Ф<селициановича> – Валентина Михайловна Дидерихс и муж ее Андрей Романович. Вы им достали в Италию визы, и они хотят лично

поблагодарить Вас за это. Поэтому не удивляйтесь, если они нанесут Вам визит, я им дала Ваш адрес.

Мы думаем через месяц трогаться в Париж. Здесь жизнь все та же: ездили кататься, гуляем, работаем. Здесь очень увлечены раскопками, в саду и в S. Agata, на горе. Каждый день в дом приносятся черепки амфор – так что даже Ходасевичу пришлось поверить во многое, чему раньше не верилось. Он стал принимать глицерофосфат и говорит, что это совершенно уничтожает в нем скепсис.

Павел Павлович все не материализуется в наших местах. Материализуется ли он в Риме?

Сын Ал<есксея> Макс<имовича>² завел себе собаку, огромную овчарку, и в округе начались крестьянские бунты, так как все терроризованы.

Вот все наши новости скромной провинциальной жизни. Я уже потихоньку от В<ладислава> Ф<елициановича> начинаю мечтать о трехдневной остановке в Риме, о Пинчио, кот<орое> все-таки остается самым для меня любимым местом на земле. Юг Италии меньше мне говорит, чем север; города – больше сельских пейзажей. Жаль, что мы едем отсюда в февралье³ – слишком рано для Венеции, а то бы я, не считаясь ни с какими денежными трудностями, хоть на 3-4 дня вырвалась бы туда.

Итак, приблизительно через месяц мы увидимся, милая Ольга Ивановна. Ходасевич сердечно кланяется Вам. Я целую Вас и прошу передать привет Вашей семье.

Н. Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Максим Алексеевич Пешков (1897-1934) – сын Горького и Екатерины Пешковой.

³ Ходасевичи уехали из Сорренто только 18 апреля 1925 г. и вечером приехали в Рим, где оставались до 21 апреля, ежедневно встречаясь с Синьорелли и с Муратовым (“Камер-фурьерский журнал”. С. 67).

Милая Ольга Ивановна,

Моя племянница² вернулась сейчас из Рима и сказала, что Вы два раза писали Нине, прося выслать листок из пьесы Лунца. *Ни одного из этих писем Нина не получила.* Иначе листок уже давно был бы у Вас.

Нина только в пятницу узнала об этом из открытки моей племянницы и сейчас уже приготовила Вам конверт с листком, – но отправить не смогла, ибо в пятницу днем расхворалась и с тех пор лежит в постели. У нее грипп, но температура доходит до 38,9.

Брат Лунца не отвечает ни Вам, ни Нине. По-видимому, он переехал или сошел с ума (чего можно было ожидать). Однако, Вы этим не смущайтесь. Родные *Лунца будут только довольны*, если его пьеса пойдет. Кроме того, они очень хорошо относятся к нам, в особенности к Нине. Поэтому – ставьте, пожалуйста, пьесу, а всякую ответственность перед родными Лунца мы с Ниной принимаем на себя. Вот еще мысль: напишите отцу Лунца, Hamburg, Isestrasse, 81, Herr Nathan Lunz,³ опять-таки укажите, что мы с Вами друзья.

Если Вам понадобятся сведения о Лунце, то укажите, какие именно, – мы пришлем.

Мне кажется, что намеков на фашизм усмотреть в пьесе нельзя будет: там все слишком похоже на коммунизм. Кроме того, можно указать в программе, что пьеса писана в 1922 году, в России.⁴

Пожалуйста, не сердитесь за то, что мы не добыли для Вас полный текст статьи Ал<ескся> Макс<имовича> о Ленине.⁵ Это оказалось невозможным: у Марии Игнатьевны⁶ какие-то напряженные и таинственные сношения с Lo Gatto.

Вообще, все, что касается Горького, должно проходить такую сеть домашнего шпионажа, интриг и никому не понятных фокусов, что руки опускаются.

Пожалуйста, пишите нам *заказные* письма. Простые и к нам плохо доходят: у них нет сил победить чье-то дружеское внимание. Увы!

Целую Вашу руку. Нина Вас обнимает и шлет привет. Сердечный привет также профессору и девочкам.

Сердечно ваш Владислав Ходасевич

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² В. М. Ходасевич.

³ Семья Лунца переехала в Берлин: отец, Натан Яковлевич Лунц (1871-1933), торговец оптическими приборами в Петербурге, мать – Анна Ефимовна Рабинович, концертная пианистка, брат Яков Натанович.

⁴ По-видимому, Синьорелли передавала Ходасевичу через Валентину Ходасевич опасения, что содержание пьесы неприемлемо для политической обстановки в Италии вообще и для Пиранделло в частности.

⁵ См. примеч. 2 к письму от 24 декабря 1924 г. О неприятном положении, в котором оказался В. М. Ходасевич с О. Синьорелли по поводу перевода очерка Горького см. ее письмо от 14 февраля 1925 (примеч. 1).

⁶ М. И. Будберг.

20

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

<начало мая 1925>¹

Paris (VII) 8, rue Amélie, Pretty Hotel

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что молчала так долго. После наших встреч в Риме мне надо было написать тотчас же. Но сумбур первых дней отвлек меня от Италии и всего италийского – когда наступила, наконец, “парижская жизнь” я опять мыслью вернулась к промелькнувшему Риму. О римской русской жизни знаю только из письма П<авла> П<авловича> – отчаянного, после того вечера, когда освистали его рассказ.²

Здесь нам живется по-здешнему не плохо. У нас комната (одна!) в небольшом отеле. Обедаем близко от дома. “Chez soi” спокойно и благополучно. Стоят два небольших письменных стола – довольно идилично. В<ладислав> Ф<елицианович> много пишет для газет – это его основной заработок.³ Я думаю устроиться работать в кинематографе. Всякая служба своей регулярностью меня угнетает и не дает мне писать. А это, кажется, будет лучше и выгоднее. Кругом люди нуждаются очень.

Ближайшие наши друзья – Сураварди⁴ и один наш с ним общий друг – Бахрах.⁵ Вместе иногда коротаем вечера – в кафе или у нас за бриджем. Еще выдаю Осоргина и Зайцева.⁶ Но один – неврастеничен, а другой – церковно-религиозен и оба не слишком мне по душе.

В общем жизнью я довольна и думаю, что прочно сейчас засели мы в Париже. Очень приятно чувствовать, что можешь никуда не двигаться. От этого какая-то “оседлость” в жизни. Мы с В<ладиславом> Ф<елициановичем> вообще ведь живем до смешного без “быта”, от этого всегда веет от нас “цыганством”.

Париж чудесен, несмотря на дождь и холод. Он может примирять и с городом современным, и с индустрией, и всем внешним в нашей жизни, которое здесь не мешает нутру, – духу, – и не идет наперекор ему.

Самое неприятное из всей жизни в Италии – для меня Вяч<еслав> Иванов. Не могу скрыть от Вас, как он мне не понравился!⁷ Стараюсь забыть его.

В<ладислав> Ф<елицианович> кланяется Вам сердечно. А я прошу Вас передать привет профессору Синьорелли и девочкам.

Целую Вас от всей души.

Ваша Н. Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения: Roma 13.V.1925.

² Чтение рассказа П. П. Муратова произошло в рамках инициативы Художественного театра – так называемых “Четвергов”, во время которых Пиранделло, как писали газеты, собирался “представлять вниманию публики разные любопытные спектакли, в которых были бы объединены три составляющие: театральное действие, музыкальный отрывок и чтение поэзии или прозы” (Il Giornale d’Italia. 31 gennaio 1925). Таких “Четвергов” в театре Odescalchi прошло всего три: 16 апреля, 29 апреля и 14 мая 1925 года. Вечер второго “Четверга” был полностью русским: постановка балета “История солдата” на музыку Стравинского, чтение “Последнего рассказа” Павла Муратова и арлекиада “Веселая смерть” Евреинова в постановке Орио Вергани под музыкальный аккомпанемент Альберто Савинио. Критика сосредоточила внимание на работах Стравинского и Евреинова, в рецензиях о Муратове ничего не написано (д’Амелия А. Русские вечера в художественном театре Луджи Пиранделло // *Donum homini universalis*. Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. Москва: ОГИ, 2011. С. 90-100).

³ Библиографию статьей Ходасевича в эмигрантских газетах см. *L’émigration russe. Revues et recueils, 1920-1980. Ouvrage édité sous la direction de Tatiana Gladkova, Tatiana Ossorguine*. Paris: Institut d’Etudes Slaves, 1988. P. 523-525.

⁴ Хасан Шахид Сухраварди (Сураварди, Shahid Suhrawardy, 1890-1965) – пакистанский поэт, историк, дипломат. Подробнейшую информацию о нем см. в “Камер-фурьерском журнале” и в очерке “Белый коридор” Ходасевича. Он жил также некоторое время в Риме, дружил с Муратовым, Оттокарсом (см. упоминание в его письме во втором томе наст. издания). В своей книге “Люди и ложи” сама Берберова его так характеризует: “Индус, род. в Калькутте. Учился в Оксфорде, приехал в Москву. Служил в театре Станиславского. Близкий друг Мар. Ник. Германовой и ее семьи. После революции – на Кавказе, потом в Париже.<...> Во время войны вернулся в Индию и позже был индийским посланником в Испании” (Берберова Н. Люди и ложи. Русские мasons XX столетия. New York: Russica Publishers, 1986. С. 157). В архиве Синьорелли хранится одно письмо от него из Праги за 1924 г. (FSFC).

⁵ Александр Васильевич Бахрах (1902-1985) – литературный критик, журналист; друг Ходасевича в годы эмиграции.

⁶ См. их письма в наст. издании.

⁷ В отличие от Берберовой, Ходасевич отнесся к Иванову тепло и дружески, писал ему как единомышленнику и восхищался его “Римскими сонетами” (см. шесть его писем к Иванову 1924-1925 гг.: РАИ, оп. 5, карт. 11, п. 5), тогда как Иванов, судя по этим же письмам, высоко оценил “Тяжелую лиру” (см. Новый журнал. 1967. № 62). Ходасевич встречался с Ивановым в Риме дважды, у Муратова и у Синьорелли (Камер-фурьевский журнал. С. 67). Два письма Ходасевича были опубликованы: Из переписки В. Ф. Ходасевича (1925-1938) // *Минувшее*. 1987. Вып. 3. С. 264-266; Шишкин А. “Россия раскололась пополам”: Неизвестное письмо Вл. Ходасевича // *Russica Romana*. Pisa-Roma 2002. Т. IX. P. 107-114.

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

29.VI.<1925>¹

Paris (VII) 8, rue Amélie

Дорогая Ольга Ивановна,

это письмо принесет Вам наш большой друг, а также друг Сураварди – Владимир Афанасьевич Подгорный – один из приятнейших людей на свете, артист Моск<овского> Худ<ожественного> Театра.² Он впервые в Италии и не так давно выехал из России. Он передаст Вам мои и Влад<ислава> Фел<ициановича> поклоны и расскажет о нашей жизни.

Вы не пишете и мне очень грустно. Неужели Вы забыли нас, милая Ольга Ивановна? А мы помним Вас и любим по-прежнему и вспоминаем часы, проведенные у Вас. Я надеюсь, что все Ваши здоровы. Передайте, пожалуйста, всем привет.

Мы много работаем и кружимся целыми днями. Иногда охватывает тоска – но большей частью чувствую себя веселой и по-прежнему довольна своей судьбой. Пишу даже стихи, но из-за денег пришлось устраиваться в кинематографе (играть)³ – это как-то все же больше мне по душе, чем какая-нибудь служба.

Ходасевич занят газетной работой и начинает писать прозу – повесть.⁴

Из Италии за последнее время ни он, ни я не получали писем: “Са-ро ди Sorrento”⁵ молчит, Вы молчите, а Пав<лу> Павл<овичу> я сама не ответила: как-то вдруг рассердилась на его вялые и печальные письма.

Я все-таки думаю, что когда-нибудь получу от Вас хоть строчку, – дорогая Ольга Ивановна! Неужели Вы не приедете в Париж? Помните, пожалуйста, что еще живы на свете Ходасевичи, которые хотят Вас видеть или хотя бы читать Ваши письма,

Обнимаю Вас сердечно и целую. Ход<асевич> кланяется низко Вам и Вашей семье.

Всегда Ваша Нина Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Владимир Афанасьевич Подгорный (1887-1944) – драматический актер, играл в главных театрах-кабаре: “Бродячая собака”, “Привал комедиантов”, “Кривое зеркало”, “Летучая мышь”, в Камерном театре Таирова; один из секретарей Правления 1-ой Студии МХАТ, актер МХАТ-2 (1919-1936), брат актера МХАТ’а Н. А. Подгорного.

³ В книге “Курсив мой” Берберова пишет, что “три раза снималась статисткой на киносъемках” (*Берберова Н. Курсив мой. München: Wilhelm Fink Verlag. 1972. С. 256*).

⁴ По всей вероятности речь идет о неоконченной повести о “людях русского символизма”, опубликованной впоследствии в газете “Возрождение” (1931, 14 апреля). См. Ходасевич В.Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 525.

⁵ Имеются в виду постояльцы виллы “Il Sorito”, а именно Горький и его семейство.

22

В. Ф. Ходасевич – О. Синьорелли

19 июля 1925

8, rue Amélie, Pretty Hôtel, Paris (7^c)

Милая Ольга Ивановна,

страшно совестно, но решаюсь просить Вас – конечно, о визе. К сожалению, не для себя, мне сейчас в Италию не выбраться. Но здесь есть одна актриса, которой очень хотелось бы на месяц съездить в Италию. Если для Вас это не слишком затруднительно, то, во имя нашей дружбы, помогите ей в этом. За то, что она отнюдь не имеет никакого отношения к политике, я ручаюсь.

Вот необходимые данные:

- 1) Лариса Андреевна Гатова.¹
- 2) Актриса.
- 3) Родилась в 1894, в Харькове.
- 4) Желает пробыть в Италии один месяц.

Пожалуйста, черкните мне, можете ли Вы устроить эту визу. Не сердитесь, что затрудняю Вас: хочется оказать услугу, а без Вас не могу этого сделать.

О себе писать не умею, да и нет ничего занимательного. Довольно много работаю – вот и все. Мы Вас очень часто и любовно вспоминаем, одни и с Сураварди. Кстати, эта Гатова – скорее знакомая Сураварди, чем наша.

Целую Ваши руки. Привет Вашему мужу и девочкам. Скажите Марии, чтобы она больше ела.²

Всегда Ваш Владислав Ходасевич

<приписка Н. Берберовой>

Милая Ольга Ивановна,

что же Вы нас совсем позабыли? Получили ли Вы мое письмо через Подгорного? Был ли он у Вас? Крепко Вас целую. Ваша Н. Берберова

¹ Лариса Андреевна Гатова (1894-1970-е) – артистка, литератор, сестра советского поэта, переводчика и литературоведа А. Б. Гатова. В 1912-1914 гг. в составе студий теа-

тра и кино гастролировала в Италии и Франции. В России снималась в кино, играла в театре В. Ф. Коммиссаржевской, Московском художественном театре и др. В 1922 эмигрировала в Париж. С конца 1920-х выступала в концертах, читала с эстрады произведения русских писателей. Более подробно о ней см: Российское зарубежье во Франции 1919-2000. М. 2008. Т. 1. С. 347.

² Речь идет о старшей дочери Синьорелли Марии (Maria Signorelli Volpicelli, 1908-1992) – в будущем известной художнице и театральном деятеле.

23

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

Капри, 30 VII <19>25

Дорогая, простите, что не пишу, но Вы знаете, что это не значит, что я Вас забыла. Завтра возвращаюсь в Рим и буду хлопотать о визе Гатовой. 5-го авг<уста> я с детьми уезжаем в Ригу к моим родным¹ и вернемся в конце сентября. Подгорный не успел зайти ко мне и прислал мне Ваше письмо. Сердечно Ваша О.Р.

¹ Речь идет о поездке Синьорелли к родителям в их дом под Йелгава, в местечко Эмбурга. О детстве в этом родовом имении см. в воспоминаниях Синьорелли (*Signorelli O. Memorie inedite*. ARI, VI. Т. 2. С. 145-157).

24

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

<середина апреля 1926>¹

14, rue Lamblardie, Paris (XII)

Дорогая Ольга Ивановна, пишу на конверте Ваш фантастический адрес² и не верю, что мое это письмо сделает такой длинный путь и найдет Вас у самых берегов Малой Азии, на такой древней и далекой земле. Все это время, что я не писала Вам, я часто думала о Вас и вспоминала самые свои лучшие дни в Италии, проведенные вблизи Вас.

То малое, что я о Вас знаю, принесла мне Р<аиса> С<амойловна> Кроль.³ Среди ее милой болтовни о римских друзьях, я немного уловила о Вас и Вашей жизни. Но это слишком мало, чтобы представить Вас сейчас в Вашей душевной и духовной жизни. О внешней – хочу Вам задать вопросы: на долго ли Вы приехали на Родос? Давно ли? К<ог>да возвращаетесь? Все это мне хочется знать.

Мы с Ходасевичем живем по-прежнему друг с другом и друг для друга. Эта жизнь моя не изменилась. Рады бы мы вообще “уйти от мира” по возможности, да держат узы, без которых не прожить. О нашей

жизни внешней скажу Вам два слова: зимой мы жили за городом, месяц тому назад переехали в Париж, взяли тут квартиру, кое-чем ее об-
меблировали, и вот “осели”, впервые за 4 года, и, видимо, надолго. Как
бы мы хотели оба, милая Ольга Ивановна, чтобы Вы к нам заглянули!
Ну что Вам стоит приехать в Париж? Здесь так чудесно в мае!

За последнее время жизнь стала настолько тяжела, что я немножко
порастеряла свой духовный багаж, но надеюсь скоро приняться за на-
стоящее писание. Этой зимой я сделала два прозаических опыта, ко-
т<орые> Вам и посылаю.⁴ Папини сейчас и тогда, когда я писала эти
рассказы, стоит и стоял в центре моих литературных (и более онтолог-
ических) привязанностей. Не осудите меня за посылаемое: это, действ-
ительно, первое, что мною написано в прозе.

От всей души шлю Вам привет и поцелуй, дорогая. Вл<адислав>
Фел<ицианович> целует Вашу руку.

Сердечно и всегда Ваша Нина Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения: “Roma 22.4.1926”.

² Письмо отправлено на остров Родос. В мае 1926 г. Синьорелли отдыхала на остро-
вах Родос, Лерос и Патмос у тогдашнего губернатора Додеканеса (архипелага в юго-
восточной части Эгейского моря, тогда принадлежащего Италии) Марио Лаго (Mario
Lago, 1878-1950) – дипломата и близкого друга Синьорелли, помогавшего ей в трудный
период семейной жизни, когда она начала отдаляться от Анджело Синьорелли.

³ Раиса Самуиловна Гуревич (1894-1979) – актриса, балерина (псевд. Раиса Лорж), в
первом замужестве жена режиссера Г. А. Кроля (1893-1932). С Кролями Берберова и
Ходасевич познакомились в Риме в октябре 1924 г. О ней подробнее см. в письмах
Г. А. Кроля и Р. С. Гуревич к Синьорелли в наст. томе.

⁴ Речь идет о первых публикациях Берберовой-прозаика, рассказов: “В ночь бег-
ства” (Дни. 8 ноября 1925. № 848. С. 3) и “Действующие лица” (Дни. 7 февраля 1926. №
924. С. 4). Газетные вырески текстов этих рассказов (без выходных данных) сохра-
нились в FSFC.

Дорогая Нина Николаевна,

Ваше письмо меня очень и очень обрадовало. Пишу Вам из Пат-
моса, где встречаю Пасху в монастыре.

Очень Вам благодарна за рассказы, которые мне очень понрави-
лись, главным образом первый.

Напишу о Вас Папини. Не стану писать о моей духовной и душев-
ной жизни: было бы трудно передать ее в нескольких словах.

Очень, очень хотелось бы повидаться: просто побродить и посидеть и выпить вместе.

Работаю и читаю много. Вообще в данный момент я в очень бодром и сказала бы счастливом настроении духа.

Внешняя жизнь моя очень разнообразна. Я живу у губернатора – эгейских островов:¹ это самый старый из моих друзей в Италии и сердечный человек. В доме я пользуюсь совершеннейшей свободой, а мое положение гости губернатора дает мне все возможности осмотреть и Родос и остальные острова. Неделю тому назад мы объездили на броненосце: Leros, Coos, Calimnos и <нрзб.> и вчера я приехала на том же броненосце на Патмос. Имею в моем расположении броненосца!

На Родос я приехала месяц тому назад и останусь по крайней мере до конца июня. Дальше ничего не знаю. Родос все такой же, как его описывает Пиндар!² Вчера была в Пещере Св. Иоанна и провела ночь в монастыре.

Пишу Вам, чтобы отослать кораблем, который отходит сегодня: перед моим окном белая стена, громадные красные цветы и дальше море: голубое, голубое.

Кругом тишина, которой нигде не испытала.

Обнимаю вас обоих – пишите мне.

Ваша Ольга Синьорелли

¹ См. примеч. 2 предыдущего письма.

² Имеется в виду третья олимпийская песнь Пиндара “Диагору с Родоса на победу в кулачном бою”, построенная на трех мифах, последний из которых миф о происхождении острова Родос: он возник из пучины морской и был отдан во владение Гелиосу (богу солнца), которой там сошелся с нимфой Родою (дочерью Посейдона) и произвел особый род людей.

26

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой и В. Ф. Ходасевичу

Hotel d’Isly, 5.V.<19>30

29, rue Jacob - Paris VI

Дорогие,

я тут в Париже на несколько дней, и очень бы хотелось с вами повидаться. Посылаю вам приглашение на открытие выставки Марии¹ и буду очень рада, если придете, и тогда, может быть, можно будет условиться, чтобы повидаться. Сердечно Ваша Ольга Синьорелли

¹ Речь идет о выставке марионеток и рисунков дочери Марии в парижской галерее Zak, устроенной благодаря посредничеству де Кирико с 9 по 22 мая 1930 г. О работах и

выставках М. Синьорелли см. также в письмах Н. А. Бенуа и в “Тройной переписке” в наст. томе.

27

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

23 мая 1930¹

<Париж>

Дорогая, простите, что еще не поблагодарила Вас за Вашу прекрасную статью о выставке, но эта самая статья и есть причина моего молчания!² После ее появления к нам нахлынуло столько народу, что Madame Зак решила продлить выставку еще на неделю, т. е. до 31 мая.

Я была очень занята и перестановкой вещей в другую комнату и разными другими хлопотами, и, простите, дорогая, мое молчание, как король простил мне опоздание на обед.

Хотела Вам писать после того, когда могла бы сообщить мой отъезд, но сегодня не успела захватить и справиться о поездках.

Думаю, что поеду или в воскресенье вечером, или в понедельник утром. Напишу Вам об этом завтра и, во всяком случае, буду в галерее Zak'a от 5-6.

Обнимаю Вас сердечно и благодарю и от имени Марии, которая была чрезвычайно тронута Вашей статьей.

Привет сердечный Вам и Ходасевичу.

Ваша Ольга Синьорелли

¹ На бланке гостиницы Hotel d'Isly.

² В APES сохранилась газетная вырезка (без выходных данных) рецензии на выставку под названием “Выставка кукол”, за подписью Н. Б.

28

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

5. IX.1930¹

<Капри>

Дорогая Нина Николаевна,

сердечный привет Вам и Ходасевичу от этих мест, которые я люблю и Вы любите. Пишу Вам накануне отъезда в Рим (Via XX Settembre 68) с той глубокою тоскою отъездов, которая и Вам известна. Рим меня больше не привлекает: он-то хорош, но без людей, с которыми

можно бы было духовно общаться, он не заполняет душу. Передо мною огненный парус, горящий от последних лучей заката.

Очень хочется уехать куда-то далеко.

Сердечно Ваша Ольга Синьорелли

¹ Открытка с видом Капри.

29

В. Ф. Ходасевич – О. Синьорелли

22 июня 1932

10 bis, rue des 4 Cheminées, Boulogne s/Seine

Дорогая Ольга Ивановна,

позвольте по старой дружбе беспокоить Вас просьбой. Мой друг Владимир Васильевич Вейдле,¹ которого Вы у нас видели, и с которым мы вместе были на выставке Вашей дочери, собирается поехать недели на две во Флоренцию – гостить к проф. Оттокар.² Визу добудет он себе сам и в этом отношении затруднять Вас не будет. Но при хлопотах о визе нужно указать двух лиц, живущих в Италии и лично знающих просителя. В качестве одного из таких лиц он назовет Оттокара, а в качестве другого просит разрешения назвать Вас. *Пожалуйста, ответьте, позволяете ли Вы ему сослаться на Вас.* Вы этим чрезвычайно обяжете и его и меня.

Как Вы поживаете? Черкните несколько слов о себе и о барышнях. Надеюсь, что Вы благополучны. Нина Николаевна шлет Вам самые сердечные поцелуи, а я кланяюсь низко.

Сердечно Ваш Владислав Ходасевич

¹ Владимир Васильевич Вейдле (1895-1979) – критик, поэт, историк искусства, публицист; эмигрировал в 1924 г. С Ходасевичем был знаком с 1922 г.; в эмиграции их отношения с Ходасевичем были очень теплыми. Автор первого монографического исследования о поэте (Поэзия Ходасевича, Париж 1928; писал о нем и в своем сборнике “О поэтах и поэзии”, Париж 1973). Вейдле посетил Италию в юности (см. об этом в его очерке “Обетованная земля” // Зимнее солнце. Париж 1976. С. 193-196).

² Николай Петрович Оттокар (1884-1957) – историк итальянского Средневековья. См. его письма к Синьорелли во втором томе наст. издания.

30

Н. Н. Берберова – О. Синьорелли

<осень/зима 1932>¹

52, B.d Latour Mauboury Paris 7

Дорогая Ольга Ивановна, сегодня послала Вам мой новый роман “Повелительница”, который здесь в прессе и у читателей имеет успех,² – может быть понравится и Вам. Сколько времени мы не видались, просто дико думать! Не знаю, дошли ли до Вас события, которые произошли в моей жизни: весной этого года я разошлась с Ходасевичем и теперь живу одна, самостоятельно, трудолюбиво и одиноко.

Как бы мне хотелось увидеться с Вами! Благополучны ли Вы и все Ваши?

Если найдете минуту мне написать, дорогой друг, не черкните ли, может ли быть надежда на перевод моего романа на итальянский? Книга выйдет в 1933 г. на английском и чешском языках.³ А уж как я была бы счастлива!

Живется мне трудно, как всем здесь, но настроение очень бодрое, рабочее и спокойное.

Обнимаю Вас. Н. Берберова

Н. Н. Берберова. 1932 г.

¹ Датируется по содержанию. Печатается по копии, в архиве подлинник не сохранился.

² Роман Н. Берберовой сначала был напечатан в “Современных записках” (1932, № 49-50), а потом вышел отдельным изданием (Берлин: Изд. Парабола, 1932.).

³ По нашим сведениям переводы на указанные языки не осуществились.

31

О. Синьорелли – Н. Н. Берберовой

27 февраля <19>33

Рим, Via XX Settembre 68

Дорогая,

простите, что так долго не отвечала Вам за <так!> милое письмо, и не поблагодарила за *роман*, которого еще не успела прочесть, но, бегло просматривая, он мне кажется в высшей степени интересным.

Я была нездорова довольно долго и только теперь поправляюсь. В конце этой недели поеду на ривьеру, чтобы поправиться и чтобы работать. До конца мая мой адрес будет: S. Remo, Hôtel Miramare.

От S. Remo до Парижа не очень уж далеко, и, кто знает, может быть и увидимся.

От души желаю Вам всего светлого в Вашей новой, самостоятельной и трудолюбивой жизни.

Может быть, мне удастся написать о Вашем романе.¹ О переводе думать теперь очень трудно. Гораздо легче перевести и пристроить советские романы, чем те, которые выходят за границей.

Вспоминаю Вас с нежной дружбой: живут в душе воспоминания римских дней.

Обнимаю Вас сердечно и нежно.

Ваша Ольга Ресневич Синьорелли

¹ Рецензии Синьорелли на роман Берберовой в печати не появилось (см. библиографию ее работ в наст. издании).